

Наталья
Нестерова

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»
представляет книги
Нatalьи Нестеровой

А в остальном, прекрасная маркиза...

БАБУШКА НА СНОСЯХ
ВОСПИТАНИЕ МАЛЬЧИКОВ
ВСТАТЬ, СУД ИДЕТ!
ВЫЗОВ ВРАЧА
ВЫЙТИ ЗАМУЖ
ДАВАЙ ПОЖЕНИМСЯ!
ДВОЕ, НЕ СЧИТАЯ ПРИЗРАКОВ
ДЕВУШКА С ПРИВЕТОМ
ЗА СТЕКЛОМ
ИСПЕКЛИ МЫ КАРАВАЙ
ИШИТЕ КОТА

КОНКУРС КОМПЛИМЕНТОВ И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

КОШКИ-МЫШКИ
ЛЮБОВЬ БЕЗ СЛОВ
МАНЕКЕН
НЕПОДХОДЯЩИЙ ЖЕНИХ
О ЛЮБВИ
ОБРАТНЫЙ ХОД ЧАСОВ
ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ
ОТПУСК ПО УХОДУ
ПОЗВОНИ В МОЮ ДВЕРЬ
ПОЛИНА СЕРГЕЕВНА
ПОРТРЕТ СЕМЬИ
ПРОСТИТЕ МЕНЯ!

Про девушку, которая была бабушкой

СДЕЛАЙТЕ ПОГРОМЧЕ
СТОЯНКА ЗАПРЕЩЕНА
ТАТЬЯНИН ДОМ
ТОЧКИ НАД «Ё»
ТЫ НЕ СЛЫШИШЬ МЕНЯ
УКУС ЗМЕИ

УРАВНЕНИЕ СО ВСЕМИ ИЗВЕСТНЫМИ

ФАНТАЗЕРКА
ЦЕЛЮЮ РУЧКИ
ШКОЛА ДЛЯ ТОЛСТУШЕК

«ЖРЕБИЙ ПРАВЕДНЫХ ГРЕШНИЦ»

СИБИРЯКИ
СТАТЬ ОГНЕМ
ВОЗВРАЩЕНИЕ
НАСЛЕДНИКИ

Наталья
Нестерова

Простите меня!

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н56

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.

Серия «Разговор по душам»

Фотография Натальи Нестеровой — *Дмитрий Романов*

Оформление — *Виктория Лебедева*

Нестерова, Наталья/
Н56 Простите меня! : [сборник] / Наталья
Нестерова. — Москва, Издательство АСТ,
2019. — 288 с. — (Разговор по душам).

ISBN 978-5-17-116905-3

Никому не пожелаешь получить от незнакомой родственницы сообщение: «Здрасьте, я ваша бабушка, переезжаю к вам насовсем». В семьях Антона и Марины капризная эксцентричная старушка, обожающая нелепые наряды, принялась устанавливать свои порядки. Доведенным до белого каления внукам пришлось искать способы нейтрализации чик-чирикнутой бабушки.

Герои Натальи Нестеровой живут с азартом — выходят замуж по любви (даже когда по расчету), попадают раз за разом в смешные ситуации, запускают фейерверки страстей и не склонны к унынию. А финал у историй Натальи Нестеровой обязательно будет справедливым и... неожиданным!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Н. Нестерова, 2019
Все права защищены
© ООО «Издательство АСТ», 2019
ISBN 978-5-17-116905-3

ПРОСТИТЕ МЕНЯ!

Повесть

Внуки теплых чувств к бабушке не питали. В детстве она не забирала их на каникулы, не приезжала в гости, не слала гостинцы и подарки, словом, никак не участвовала в воспитании. Логично, что, повзрослев, внуки платили той же монетой — забвением. Двоюродные брат и сестра, Марина и Антон, не видели бабушку ни разу, только знали о ее существовании. Родители Марины и Антона, соответственно бабушкины дочь и сын, умерли трагически рано, бабушка своих детей пережила. Еще бы! Она себя берегла. Бывшая прима областного оперного театра, она и на пенсии сохранила замашки капризной избранницы судьбы. Пока могла себя обслуживать (скорее — находились те, кто ее обслуживал), сидела в своей провинции, не вспоминая о внуках и правнуках. И вот заявила в Москву. Здравствуйте, я ваша бабушка, подвиньтесь и будьте любезны ухаживать за мной!

У Марины и Антона ситуации схожие: квартиры небольшие, купленные в кредит, дети маленькие — у Марины дочери два года, сыну Антона девять месяцев. В обеих семьях отцы работают с утра до вече-

ра, мамы сидят с малышами. Каждая копейка на счету, каждая минута сна — подарок. Им не хватало многого, но только не совершенно чужой, хоть и родной по крови, бабушки.

Вначале бабушка поселилась у Марины. Согласия не спрашивала. Поставила перед фактом, позвонив по телефону.

— Еду к тебе провести остаток жизни.

— В каком смысле «еду»? — опешила Марина.

— В смысле — поездом. Встречайте. Кажется, поезд приходит утром. Меня проводят. Вагон пятый. До встречи.

Марина положила трубку, повернулась к мужу и, вытаращив испуганно глаза, промямлила:

— К нам едет бабушка. Вагон пятый. Жить.

— Чего-чего? — не понял Андрей, муж.

— У меня есть бабушка... биологическая, я тебе рассказывала...

— Не помню.

— Да я сама о ней тысячу лет не вспоминала. На похороны мамы не приехала. «Мне вредны отрицательные эмоции», — передразнила Марина, вспомнив свой давний разговор с бабушкой. — И с рождением правнучки не поздравила...

— А теперь? — поторопил Андрей.

— Теперь она, кажется, собирается у нас умирать, в смысле: жить до смерти.

— Нам только умирающей бабушки недоставало!

Они повздорили. И получилось, что Марина, сама в панике, вынуждена была доказывать мужу, что есть моральные ценности, которые не обсуждаются. Марина расплакалась, не столько из-за черствости

мужа, сколько от предчувствия, что их жизнь превратится в форменный кошмар.

Андрей сдался, поднял руки. Сказал:

— Ладно, пусть бабушка поселяется. Поближе к воде, то есть к водопроводному крану. Все равно, кроме как на кухне, разместить негде. Не на балконе же устраивать. Там она быстро околеет. Что, впрочем, было бы неплохо.

И на протестующий рык Марины примирительно оправдался:

— Шучу, прости! Кто у нас, говоришь, бабушка? Меццо-сопрано на пенсии? Будет правнучке колыбельные исполнять, а мы сможем хоть иногда вечерами вырываться из дома.

Но Андрей глубоко заблуждался, рассчитывая, что Маринина бабушка станет нянькой.

Встречали ее больше трех часов. Андрей отпросился с работы. Три поезда из бабушкиного города приходили в девять, десять тридцать и одиннадцать сорок. Два выхода на перроны были ложными. Вокзальная обстановка нервировала. Суматошные люди с чемоданами и баулами, алчные навязчивые таксисты, толкотня, дурные запахи, мусор, пустые бутылки от пива на каждом шагу, обилие пьяных и подозрительных личностей — московские вокзалы, как их ни отмывай, все равно остаются филиалами клоаки.

Андрей звонил на работу и говорил, что задерживается. Марина звонила соседке, которая присматривала за дочерью, и уговаривала посидеть еще часок. Андрей терпеть не мог расхлябанных, необязательных людей, которые пожирают чужое время.

Что стоило бабушке заглянуть в билет на номер поезда? Ничего не стоило. И не пришлось бы им киснуть на вокзале, когда дел невпроворот. Он выговаривал жене, словно та несла ответственность за легкомыслие бабушки. Марина молча слушала упреки и вспоминала слова мамы: «Родителей не выбирают. Твоя бабушка — натура неординарная. Нам еще повезло, что живем далеко друг от друга». Везению пришел конец?

Бабушка приехала в одиннадцать сорок. Марина ее мгновенно узнала, хотя никогда не видела. Из воспоминаний детства: мама и дядя шепотом злословят, называют бабушку вечно загримированной актрисой. Она так и не разгримировалась, напротив — поверх старой краски наслаивала новую. На перрон вышла дряхлая королева в наряде и макияже куртизанки.

«О боже! — мысленно ужаснулась Марина. — У нее ресницы приклеенные».

Над искусственно большими, в комочках туши, ресницами синели тени. Толстый слой пудры покрывал лицо, проваливался в глубокие морщины, делая их еще заметнее и наводя на мысль о бороздах, процарапанных острым предметом, вроде шила. Румяна на щеках клоунски пунцовели. Дешевая жирная помада растеклась, уплыла в морщинки над губой, и поэтому казалось, что бабушка недавно пила кровь. Редкие седые волосы не закрывали голову, которую венчал шиньон в виде большого засушенного инжира — такой же кривой и сухой. Цвет шиньона на три тона отличался от своих волос, сквозь которые просвечивал череп.

На бабушке был ядовито-розовый костюм, с рюшами на груди, на талии и по подолу юбки. В ушах болтались крупные серьги, оттянувшие мочки, как у дикой африканки. Пальцы унизаны перстнями самоварного, позеленевшего от времени золота, с «камнями» величиной с грецкий орех.

Проходящие мимо люди, торопившиеся, занятые своими мыслями, по-вокзальному суетливые, на бабушку оглядывались. Было на что смотреть.

Бабушка подставила внучке щеку для поцелуя. В нос Марине ударил крепкий запах томных духов.

— Бабушка, это мой муж Андрей.

Оглядев Андрея с ног до головы, бабушка изрекла:

— Примерно так я себе и представляла.

Андрей не понял, комплимента удостоился или оскорбление заработал. Его первой реакцией при виде чик-чирикнутой старушки в розовом была широкая ухмылка. А потом оказалось, что это и есть Маринкина бабушка. Быстро сменить выражение лица с насмешливого на почтительное получилось не сразу.

Бабушка распоряжалась:

— Вынеси мои вещи из вагона.

И спрашивала:

— А где носильщики?

— Я сам, — суетливо дернулся Андрей. — Какое место, купе?

Пока они ждали прибытия бабушки, насмотрелись на услуги носильщиков. Те брали по сто пятьдесят рублей за место, будь то хоть сундук, хоть легкая авоська. Но и этот тариф кончался на незримой

границе вокзала. А за границей — двойная плата. Марина и Андрей наблюдали несколько сцен, когда носильщик, провезя багаж лишние пятьдесят метров до автомобиля, вынуждал людей платить несусветные деньги, грозил милицией и тыкал пальцем в табличку на своей тележке, где двойной тариф обозначался мелко-меленько.

Пока Андрей сновал из вагона на перрон, бабушка упрекнула Марину:

— Не догадалась с цветами встретить?

— Извини! — смутилась Марина.

С бабушкой прибыло столько вещей, что и одним носильщиком было немислимо обойтись. Бабушка ехала одна, остальное пространство купе занимали ее чемоданы, коробки и сумки. Они перетекли на тележки носильщиков и возвышались корявыми пирамидами.

«В одно такси не поместимся, — переглянулись Марина и Андрей, — и в два вряд ли. Влетит нам в копеечку».

Они планировали, что Андрей отойдет от вокзала и поймает машину. Марина с бабушкой подождут. Потому что вокзальные таксисты ломали цены за предельные. До места, к которому красная цена четыреста рублей, таксисты требовали две тысячи и с неохотой на полторы соглашались. Но поймать три машины и подогнать их к вокзалу было нереально.

Поняв безвыходность Марины и Андрея, стоящих у груды багажа, таксисты ни в какую не соглашались снижать плату.

— Что за вульгарные торги, — хмыкнула бабушка-аристократка.

«Может, ты сама и выложишь девять тысяч рублей за доставку своего барахла? И заодно оплатишь носильщика», — подумала Марина. Но вслух ничего не сказала. Лихорадочно соображая, как в их маленькой квартире разместить бабушкины вещи. Если их просто внести и поставить, не останется места для передвижения.

Ехали на трех машинах. Потом Андрей сбегал домой за деньгами, чтобы расплатиться с таксистами, таскал вещи наверх. Как и ожидала Марина, в квартире стало не повернуться.

Андрей уехал на работу, потный и злой.

— Бабушка, это твоя правнучка, — представила Марина дочь, испуганную вторжением чемоданов и коробок.

— Здравствуй, девочка! — ущипнула бабушка ребенка за щеку, не подумав спросить об имени. — Так! Никаких «бабушек» и тем более «прабабушек». Зовите меня Эмилия. Ясно? Девочка, повтори: Эмилия.

— Миля, — повторила малышка.

— Тесно у тебя, — скривилась бабушка Эмилия.

— Что имеем, — огрызнулась Марина.

Она-то считала, что покупка однокомнатной квартиры в Москве, да не на окраине, — свидетельство их с Андреем благополучия.

— Где я буду жить? В комнате?

— Нет, извини. Спать ты будешь на кухне.

— Что? Как прислуга? Кухарка?

— Бабушка, то есть Эмилия, — старалась держать себя в руках Марина, — в комнате ребенок, который просыпается по ночам, да и мы с Андреем.

«Скажи спасибо, что тебе кухню выделили», — хотелось добавить Марине. Но она промолчала. И в последующие дни у нее выработалась привычка думать одно, говорить — другое.

— Кроме кухни, могу предложить только ванную или балкон.

Эмилия мгновенно учуяла зреющий бунт внучки. Ткнула корявым старческим пальцем с вызывающе красным маникюром Марине в грудь:

— Не груби! Я этого не люблю. Еще будешь благодарна, что я у тебя остановилась.

— Бабу... Эмилия, душ примешь после дороги (смоешь свой жуткий макияж) или завтракать? — спросила Марина.

— Чашку хорошего кофе и сигарету, — распорядилась старушка.

В течение рабочего дня злость Андрея перегорела. На кого злиться? На Маринку, которая пожертвовала карьерой ради их ребенка? Два с лишним года назад Марина работала с ним на одной фирме, и перспективы роста у Маринки были куда лучше, чем у Андрея. Сейчас ловит каждое слово, когда он рассказывает о производственных делах. Старается скрыть, но заметно — переживает, скучает. И при этом держится молодцом, вьет их семейное гнездышко. Да и мать она замечательная. Теперь же на Маринку свалились новые проблемы в виде бабушки, которая явно с норовом. Актриса, ёшкин корень, а выглядит как старая шлюха.

Андрей купил по дороге домой торт. Вошел в квартиру, протиснулся между коробок и оптимистично воскликнул:

— Как тут мои женщины? Что наша бабуля?

Она выплыла в коридор. По-прежнему в боевой раскраске, одета в яркое шелковое кимоно.

— Андрей! Я вас решительно попрошу при мне не выражаться!

И уплыла на кухню.

— Что я такого сказал? — удивленно повернулся Андрей к жене.

— Ее нельзя величать ни «бабушка», ни «бабуля», остальные однокоренные слова также не приветствуются. Только по имени — Эмилия, без отчества, — устало ответила Марина.

Андрей видел, что жена на грани истерики, что слезы у нее стоят близко. Маринка, умница, стойкий солдатик, пасовала перед грубостью и нахальством. Не могла отвязаться от настырных нищих или цыганок на улице, терялась, когда ей хамили в магазине. Андрею эти слабости казались достоинством, проявлением истинной женственности.

Он обнял жену:

— Маринкин! Держись, воробей! Мы ведь вместе. Прорвемся. Что нам одна вздорная старуха? — Последние слова он произнес шепотом.

— Ты не представляешь, ты не представляешь, — быстро и так же тихо заговорила Марина. — Она все требует делать по-своему, каждую минуту меня шпыняет, она, она...

— Тихо, тихо! — гладил Андрей жену по спине. — Хочешь, я с ней поговорю и поставлю на место? В том смысле, что, коль приняли вас, извольте подчиняться нашим правилам?